

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-126-136

УДК 9.94

**РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЖИЗНИ
КАВКАЗСКИХ ЭМИГРАНТОВ В ЕВРОПЕ (1920-2020 гг.)¹**

Ирина Леонидовна БАБИЧ

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

г. Москва, Россия.

ORCID 0000-0003-1879-1608 РИНЦ 7059-1438

ResearcherID: F-4989-2014

babi7chi@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи – изучить роль русского языка в жизни кавказских эмигрантов в Европе в разные исторические периоды XX – начала XXI в. В 1920-1930- гг. было два политических лагеря кавказских мигрантов. В каждом лагере был свой тип отношения к русскому языку и характер его использования. Статья подготовлена на основе предыдущих работ автора и новых полевых этнографических материалов, собранных во Франции и Швейцарии среди кавказцев. В 1990-2000-е гг. новые кавказские эмигранты приехали в Европу со знанием русского языка, тем не менее среди следующего поколения русский язык постепенно исчезает. Автор делает вывод, что русский язык при всех сложных, подчас противоречивых, обстоятельствах, иногда направленных против самого языка, всегда сохранял в прошлом и сохраняет свою нишу в эмигрантской кавказской жизни в настоящее время.

Ключевые слова. Кавказские эмигранты, Европа, культура, русский язык

Для цитирования: Бабич И.Л. Роль русского языка в жизни кавказских эмигрантов в Европе (1920-2020 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Том 15. № 4. С. 126-136

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-126-136

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Original article

**THE ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN LIFE
CAUCASIAN EMIGRANTS IN EUROPE (1920-2020)**

Irina L. BABICH

Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Department of Caucasus, Moscow, Russia

ORCID 0000-0003-1879-1608

ResearcherID: F-4989-2014

babi7chi@yandex.ru

Abstract. The aim of this article is to study the role of the Russian language in the life of Caucasian emigrants in Europe in different historical periods of the 20th – early 21st centuries. In the 1920-1930s. there were two political camps of Caucasian migrants. Each camp had its own type of attitude to the Russian language and the nature of its use. The article was prepared on the basis of the author's previous works and new field ethnographic materials collected in France and Switzerland among Caucasians. In the 1990-2000s. new Caucasian emigrants came to Europe with knowledge of the Russian language. Among the next generation the Russian language is gradually disappearing. The author concludes that the Russian language, under all complex, sometimes contradictory, circumstances, sometimes directed against the language itself, has always retained in the past and retains its niche in emigrant Caucasian life at the present time.

Keywords. Caucasian emigrants, Europe, culture, Russian language

For citation: Babich I.L. The role of the Russian language in life Caucasian emigrants IN Europe (1920-2020). Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 4. P. 126-136.. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-126-136

Кавказцы наряду с русскими оказались в европейской эмиграции после Октябрьской революции 1917 г. Ключевой причиной была политическая: кавказская политическая элита приехала на мирную конференцию в Париж и Версаль, которая проходила по результатам Первой мировой войны (1919 г.). Они стремились получить признание независимых государств на Кавказе. Уехали чиновники, дипломаты, находившиеся на российской государственной службе, но основная

масса кавказских эмигрантов – это военные Российской армии, которые эвакуировались, как правило, в Константинополь (Османская империя), о. Лемнос (Греция) или Галиполли (Османская империя), вместе со своими воинскими подразделениями.

В эмиграции кавказская диаспора в целом в 1920-30-е гг. разделилась на два политических лагеря: «националисты», т.е. те, кто стремился в будущем обрести независимость Кавказа, и «монархисты», т.е. те, кто сохранял верность Императору, «за единую и неделимую» и видел будущее Кавказа в составе России. Несмотря на такое ключевое деление, которое основательно развело людей на чужбине, «взаимоотношения» с русским языком у тех и других сохранялись, но по-разному.

«Монархисты» - кавказцы, как правило, прекрасно владели русским языком, подчас, как единственным. Дело в том, что в Российской империи во время учебы в военных учебных заведениях не разрешалось пользоваться своими национальными языками, требовалось использовать только русский язык. Кавказцы во время своей учебы в военных заведениях постепенно забывали национальные языки. «Националисты» - кавказцы в эмиграции вели активную общественно-политическую деятельность, которая была направлена против России, за создание независимого Кавказа, но вели ее... на русском языке: для народов Кавказа русский язык был языком межнационального общения. Для того, чтобы объединить народы Кавказа в одном политическом движении, требовался единый язык. Им и был русский язык. Вся документация велась на русском языке. Публикации кавказских деятелей в эмиграции делались на русском языке. Отчасти это правило нарушалось для установления контактов с французской элитой: для властных и военных структур готовились протоколы заседаний и некоторые публикации на французском языке.

Кавказцы - «националисты» негативно относились не только к русской власти в регионе, но и к русской культуре вообще, и русскому языку, в частности.

Приведем их отзывы об этом. Русская культура – это «московская азиатчина», близкая рязанскому мужику, но «совершенно чужда вольному сыну гор». Грузинский деятель *Р. Габашивили* «наглядно доказал на основании непреложных исторических данных *старшинство кавказской культуры по сравнению с культурой русской*, и напротив, пагубность влияния и владычества России для всех без различия кавказских народов... В те времена, когда просвещенные грузины, а равно и армяне, переводили на свои языки Евангелие и др. богословские труды, то русской государственности не было и в помине».

Дагестанец *И. Чулик* подчеркивал, что «в России господствующая и наиболее многочисленная народность составляла лишь 43,3 % всего населения, причем «инородческий» элемент в значительной своей части *превосходил культурой и общественной организованностью господствовавших великороссов*» [1]. Осетин *Б. Байтуган* в статье «Нужно ли это?» ставил вопрос о роли русской культуры в жизни горцев Северного Кавказа. Он писал:

«Общечеловеческая ценность русской культуры – относительна. Главной особенностью этой культуры является ее подражательный, *заимствованный характер*. Все определяющие ее факторы, начиная с христианства и кончая марксизмом, были импортированы на русскую почву с Запада и Востока... Но особенно опасным свойством русской культуры является ее необыкновенная агрессивность, воинствующий шовинизм, ее нетерпимость к иным с ней соседящим культурам. Всю историю русского народа можно охарактеризовать, как постоянное стремление распространить свою политическую власть и свой язык, религию и культуру на возможно большее число иных народов, искоренив в этих последних всякую национальную самобытность. Идея всемирного владычества, практически проводимая государственной властью, теоретически отображалась в идее «мессианства» - особого культурного предназначения русского народа, которой не было чуждо ни одно из идеологических течений, существовавших (и существующих) в русском обществе».

О пагубном влиянии русской культуры на жизнь горцев писал кабардинец Эльмурза Бекович-Черкасский:

«Многие горцы из плоскостного населения, соседственного к городским центрам, в своих сношениях с городом знакомились часто с *пагубными сторонами городской жизни*, вследствие чего в патриархальных горских аулах все больше слабели так сильные некогда устои семейно - общественной жизни и дух народа... В итоге всего, в народе чрезмерно развивался религиозный мюридизм, шейхизм, абречий разбой и другие нездоровые симптомы недовольства духа судьбой, и толщи народа стремились жить обособлено и замкнуто от окружающего их русского влияния, подчиняясь своим бытовым традициям и адатам» [2].

Трагедия кавказцев состояла в том, что они, отвергая русскую культуру, тем не менее были вынуждены пользоваться в эмиграции русским языком. Горским лидерам приходилось своим читателям объяснять причины использования русского языка. Так, *Г. Баммат* подчеркивал, что журнал «Кавказ», издаваемый на русском языке, обращался не к русской аудитории, а к кавказскому читателю, а использование русского языка при этом объяснялось «*историческими условиями*», в силу которых «*общим для нашей национальной эмиграции пока еще является русский язык*»

Одним из препятствий к объединению народов Кавказа является язык. Крупный азербайджанский политический деятель Алимардан Топчибаши писал:

«В сношениях между собой народы Кавказа, не имея, к сожалению, общего языка, вынуждены пользоваться русским языком в продолжении более ста лет.. Этот язык стал поневоле общим, заставшим народы Кавказа в период отделения от бывшей России и образования Республик... Правительства этих последних вынужденно вели свои сношения на этом языке между собой, при посредстве его происходили и происходят наши конгрессы, совещания, комиссии и пр., равно как и здесь между официальными кавказскими органами, лишь иногда прибегающими в сношениях между собой к помощи французского языка. Усвоить этот последний более или менее удовлетворительно возможно лишь среднему и особенно молодому поколению, учившемуся во французских учебных заведениях... При всех достоинствах французского языка как международного и при всем сознании необходимости усвоения этого языка, невольно заставляет кавказских деятелей указанных категорий прибегать и теперь к помощи русского языка, которым большинство из них владеет почти в совершенстве и на котором долготнее им пользование приучило их мыслить, говорить, писать, зачастую, к сожалению, даже в ущерб родного языка... Такова действительность и надо иметь мужество брать ее такой, как она есть и извлекать возможную пользу для общих интересов Кавказа, как бы употребление русского языка в сношениях между кавказскими народами не било сильно по нашему национальному самолюбию, как бы оно не стесняло и не угнетало нас своим несоответствием и даже некоторым противоречием с провозглашенной нами независимостью наших народов... Существующие в эмиграции печатные органы на родных языках, как и на языках французском и русском, имеют свое назначение, но ни один из них не играет роли доступного общекавказского органа ни по форме, ни по содержанию» [3].

Поэтому формирование единого государственного языка для независимых государств Кавказа вообще, и Северного Кавказа, в частности, стало одной из ключевых проблем в эмигрантской общественной мысли на протяжении 1930-х годов. Горцы писали: «будем надеяться, что через 5-7 лет после восстановления независимого горского государства, русский язык будет символически, но торжественно, сожжен на костре перед памятником нашей независимости» [4, 376-422]. Предлагались следующие языки для признания его государственным на Кавказе: эсперанто, один из европейских языков, один из тюркских языков (например, татарский, или как его называли, кавказский тюркско-татарский), турецкий язык на латинской основе, адыгейский язык. В 1935 г. в варшавском Восточном Институте под председательством его директора С. Седрецкого была образована специальная Комиссия, которая занялась разработкой унифицированного алфавита для

языков Северного Кавказа и создание «общего межплеменного языка для всех северо-кавказских племен». Членами комиссии стали северокавказцы *Б. Хурш (Хуршилов), Х. Кумуз, М. Чукуа, Б. Байтуган, Ж. Хавжоко, Б. Билатти, Ю. Умаи*. На комиссии было принято решение «в качестве основы будущего северокавказского унифицированного алфавита будет использоваться так называемый новый тюркский алфавит, вводимый советским правительством во многих восточных «автономиях», в том числе отчасти и на Северном Кавказе... При выборе же межплеменного языка Комиссия остановила свой выбор *на кумыкском языке*... Решено в этот язык внести те слова, которые являются общим для большинства племенных языков Северного Кавказа».

Однако никакого единого языка для народов Кавказа разработано так и не было. Кавказцы – «националисты» по-прежнему пользовались русским языком. Их дети и внуки, родившиеся в эмиграции или попавшие туда детьми, безусловно, пользовались в качестве основного уже европейскими языками, однако в быту продолжали применять русский язык, а не свой национальный, поскольку этот язык давал возможность более широкого общения, в том числе и в русской среде, которая была значительно больше кавказской.

Приведем примеры. Адыг Василий Николаевич Гаджемуков – востоковед, дипломат, жил в эмиграции в Марселе, имел двух детей – Измаила и Александрина. Измаил хорошо знал русский язык, даже пел русские песни, например: «Как ныне взбирается вещей Олег, отмстить неразумным хазарам»; «Да громче музыка, ура, ура, мы за царя...» [5], но не знал адыгского языка, помнил отдельные слова. Как рассказывал нам его племянник Себастьян, Измаил вспоминал лишь отдельные адыгские слова – пши (князь), псе (душа), аул. У него сохранялась память об адыгской истории и культуре. Измаил имел фамильную тамгу Гаджемуковых. У адыгов каждая семья имела (и имеет до сих пор) свою тамгу [6].

Грузин, военный Михаил Чавчавадзе учился до революции в кадетском корпусе, где нельзя было пользоваться грузинским языком. Он плохо знал грузинский, знал какие-то отдельные грузинские выражения. Михаил жил с семьей в Париже, в семье говорили по-русски. В грузинской военной среде 1930-40-х гг. в эмиграции многие дети знали русский язык, но со временем на уровне следующего поколения русский язык стал «теряться». Сын Михаила – Нико, который проживает в Париже, отлично говорит по-русски. А уже его дети – немного. Причем сам Нико мотивировал своих детей, родившихся в 1970-х гг. в Париже, учить грузинский язык. Сын Нико знал грузинский язык отлично. Он учил язык вместе с одной из своих сестер в Париже. Следующее поколение Чавчавадзе блестяще говорит по-грузински и по-французски, но уже не знает русского языка [7].

Другой пример, адыг, врач Владимир Николаевич Кудашев до революции был монархистом, женился на русской женщине. Его сын Владимир вместе с женой после Второй мировой войны уехали в Аргентину, где в семье родился сын Александр. Во время проживания в Аргентине дома супруги говорили по-русски, и мальчик знал русский язык. В 1958 г. семья переехала в Мюнхен, Александр пошел в немецкую школу, русский язык забыл и его родным языком стал немецкий. Но у него в памяти осталось то, что его корни из России, и что его предки – русские.

Тоже само имело место в семье адыга Измаила Шакова, его дочь Цурьетта вышла замуж за адыга Т. Шарданова, в семье родилась девочка Фатима. Фатима вышла замуж за американца и уехала в США. Их совместные дети стали американцами, но в семье сохранялся русский язык, а адыгские корни и адыгский язык практически «ушли». В результате праправнучка Измаила Шакова Кристиан была уверена, что их корни – русские. Она выучила в университете русский язык. Приезжала на Северный Кавказ и говорила, что ее предки – русские [8]. Сходный пример осетинской семьи Мистуловых. После Второй мировой войны из Франции они переехали в США. Внук эмигранта первой волны Александр живет в Лос-Анджелесе, знает русский язык, но не знает осетинского языка, хотя знает, что его корни в Осетии. В семье его отца Асланбека Дударовича была русская жизнь в США, русская еда. Дома говорили по-русски.

* * *

В 1990-е годы в Европе появилась новая волна кавказских эмигрантов. Все они – русскоязычные, имеют, в том числе, и русскую среду общения. Некоторые родители обучают своих северокавказских детей в тех школах, где преподают русский язык как иностранный. Они считают, что Северный Кавказ в составе России, то и надо русский язык знать. Чаще всего это происходит это в ущерб национальным языкам, дети, родившиеся в миграции, в лучшем случае хорошо говорят на своем языке в бытовой сфере, но писать или читать не умеют. Для всех кавказских мигрантов постсоветского периода русский язык остается ценным и важным в их жизни, он выполняет сразу несколько функций среди эмигрантов среднего и старшего поколений. Во-первых, кавказские эмигранты во Франции и Швейцарии смотрят российское телевидение на русском языке. Во-вторых, для общения между собой мигранты используют русский язык. В-третьих, в быту, в кругу своей семьи и с родственниками кавказцы часто разговаривают на своем языке, но иногда и на русском. Например, чеченцы-мигранты часто знают чеченский устный язык, но не могут на нем ни писать, ни читать, поэтому по необходимости используют и русский язык. Многие дальновидные северокавказские семьи во

Франции и Швейцарии стараются свои детям предоставить знание не только своего родного языка и языка титульного народа новой страны, но и русского. Такие родители считают, что, поскольку Северный Кавказ входит в состав России, а в России русский язык – государственный, то надо обязательно изучать и русский язык. Информатор так говорил нам: «Если надо будет поехать в Россию, то с одним национальным языком не получится ничего сделать» [9]. Причем иногда родители-северокавказцы отдают детей в «русские» школы во Франции, т.е. в школы, где русский язык преподают как иностранный. Например, француженка-учительница русского языка в лицее Орсе (Иль-де-Франс) рассказывала следующее: в Орсе располагается научный городок, в котором проживают ученые. В городке есть лицей, в котором 170 учеников учат русский язык; среди них несколько чеченцев. Чаще всего дети, уже родившиеся во Франции, хуже знают и свой родной, и русский языки, чем дети, родившиеся на Северном Кавказе и приехавшие во Францию или Швейцарию в возрасте 5–6 лет.

Очевидно, что для следующего поколения северокавказских эмигрантов титульные языки Швейцарии и Франции станут родными, а русский и северокавказские языки – факультативными. Все кавказцы среднего и старшего поколений, выехавшие с Родины, учили русский язык, поэтому во Франции и Швейцарии они охотно общаются с русскими мигрантами. Армянка А. дружит с русской из Краснодара. А. считает, что с русскими легче общаться, чувствуется общее культурное прошлое и пространство. Супруги армяне, проживающие в Цюрихе, в основном общаются с армянами, русскими и народами Восточной Европы. Наконец, анализируя швейцарскую и французскую среды в жизни кавказцев, мы отмечали достаточно ограниченные контакты между кавказскими эмигрантами и титульными народами. В силу этого именно русская среда во многом компенсирует эмигрантам среднего и старшего поколений невозможность более тесных контактов со швейцарцами и французами.

Молодое поколение кавказцев, выросшие в Европе, подчас не знает русского языка вообще: детям очень тяжело – им приходится учить сразу несколько языков, и изучать еще русский язык – трудно. Бывают и исключения. Так, в одной грузинской семье, проживающей в Невшателе (кантон Невшатель), и сын, и дочь с детства по настоянию родителей учили русский язык. Впоследствии мальчик продолжил изучение русского языка в качестве иностранного в университете. Русская среда во Франции и Швейцарии, безусловно, более многочисленная, чем кавказская. Русские эмигранты охотно привлекают кавказцев в свою среду, приглашают на мероприятия, которые проводят культурные центры, отмечая, что все же последние, особенно северокавказцы, ведут себя отчасти «обособленно». Одна дагестанка организовала в Швейцарии русский хор, членами которого стали как русские, так и швейцарцы (последние пели песни на русском, не зная русского). Если дети северокавказцев знают русский язык, то они тоже активно общаются и

дружат с русскими сверстниками. Чеченцы, особенно чеченки, которые не работают, все свое время проводят у телевизоров и смотрят передачи на русском языке. Иногда кавказцы, особенно чеченцы, выбирают восточные (и мусульманские) среды. Многие успешные кавказцы – трудовые эмигранты работают в международных фирмах. Они имеют много друзей – своих коллег из других стран. Особенно это характерно для Швейцарии. Поэтому в этой стране есть понятие «интернациональной» среды [10].

Таким образом, мы видим, что русский язык при всех сложных, подчас противоречивых обстоятельствах, иногда направленных против самого языка, всегда сохранял в прошлом и сохраняет свою нишу в эмигрантской кавказской жизни в настоящее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабич И.Л. Северокавказские эмигранты в XX веке. М., 2020.
2. Филиппова Е.И. (отв. ред.). Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М., 2020.
3. Архив Али Мардана Бека Топчибаши (Топчибашева) // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы // École des Hautes Études en Sciences Sociales (Высшая школа социальных наук). (CERCEC, EHES). – Париж (Франция).
4. Бабич И.Л. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917-1930-е годы): миф или реальность // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. Санкт-Петербург, 2012. С. 376-422.
5. Полевые материалы автора (далее - ПМА). Интервью с Себастьяном Гаджемужиковым 4 марта 2012 г., Париж.
6. ПМА. Интервью с Себастьяном Гаджемужиковым 8 апреля 2012 г., Париж.
7. ПМА. Интервью с Нико Чавчавадзе. 1 мая 2014 г., Париж.
8. ПМА. Интервью с Кристиан Страйхорн. 2 сентября 2019 г.
9. ПМА. Интервью с Ф., 6 ноября 2018 г., Париж.
10. ПМА. Интервью с Е. 2 июля 2019 г., Невшатель, Лозанна.

REFERENCES

1. Babich I.L. Severokavkazskiy emigranty v XX veke [North Caucasian emigrants in the twentieth century]. M., 2020. [In Russ.].
2. Filippova E.I. Smert' yazyka – smert' naroda? Yazykovyye situatsii i yazykovyye prava v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh x[The death of a language is the death of a people?]. M., 2020. [In Russ.].

3. Arkhiv Ali Mardana Beka Topchibashi (Topchibasheva) [Archive of Ali Mardan Bek Topchibashi (Topchibashev)]. Library of the Center for the Study of Modern Russia, the Caucasus and Central Europe. École des Hautes Études en Sciences Sociales (Higher School of Social Sciences). (CERCEC, EHESS). Paris, France. [In Russ.].
4. Babich I.L. Severokavkazskaya natsiya v yevropeyskoy emigratsii (1917-1930-ye gody): mif ili real'nost' [North Caucasian nation in European emigration (1917-1930s): myth or reality]. Obshchestvo kak ob"yekt i sub"yekt vlasti. Ocherki politiche-skoy antropologii Kavkaza. [Society as an object and subject of power. Essays on the political anthropology of the Caucasus]. St. Petersburg, 2012. pp. 376-422. [In Russ.].
5. Polevyue materialy avtora (daleye - PMA). Interv'yu s Sebast'yanom Gadzhemuko-vym 4 marta 2012 g., Parizh [Field materials of the author (herein-after referred to as FMA). Interview with Sebastian Gadzhemukov March 4, 2012, Paris]. [In Russ.].
6. PMA. Interv'yu s Sebast'yanom Gadzhemukovym 8 aprelya 2012 g., Parizh [PMA. Interview with Sebastian Gadzhemukov April 8, 2012, Paris]. [In Russ.].
7. PMA. Interv'yu s Niko Chavchavadze. 1 maya 2014 g., Parizh [PMA. Interview with Niko Chavchavadze. May 1, 2014, Paris]. [In Russ.].
8. PMA. Interv'yu s Kristian Straykhorn. 2 sentyabrya 2019 g. [PMA. Interview with Christian Strayhorn. September 2, 2019]. [In Russ.].
9. PMA. Interv'yu s F., 6 noyabrya 2018 g., Parizh.[PMA. Interview with F., November 6, 2018, Paris]. [In Russ.].
10. PMA. Interv'yu s Ye. 2 iyulya 2019 g., Nevshatel', Lozanna [PMA. Interview with E. July 2, 2019, Neuchâtel, Lausanne]. [In Russ.].

Информация об авторе: Ирина Леонидовна Бабиц, доктор исторических наук.

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

г. Москва, Россия.

ORCID 0000-0003-1879-1608 РИНЦ 7059-1438

ResearcherID: F-4989-2014

babi7chi@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author Babich Irina L. Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology,

Russian Academy of Sciences, Department of Caucasus,

Moscow, Russia

ORCID 0000-0003-1879-1608

ResearcherID: F-4989-2014

babi7chi@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 26.07.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 20.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.08.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

© Бабич И.Л. 2023

© «ИСОМ». 2023